

На правах рукописи

БЕЛОВ
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ И ЛАТИНСКАЯ
ПРОСОДИКА
(*мора, ударение, ритмика*)

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук*

- 10.02.20 — *Сравнительно-историческое, сопоставительное и
типологическое языкознание,*
10.02.14 — *Классическая филология, византийская и новогреческая
филология*

МОСКВА – 2011

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и в секторе общей компаративистики Учреждения Российской академии наук Института языкознания РАН

Научный консультант — доктор филологических наук
КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ КРАСУХИН

Официальные оппоненты: член-корр. РАН доктор филологических наук
ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ ДЫБО

доктор филологических наук
ВАДИМ БОРИСОВИЧ КАСЕВИЧ

доктор филологических наук
АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

Ведущая организация — Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РАН (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится ___ октября 2011 года в ___ ч. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 в Учреждении Российской академии наук Института языкознания РАН по адресу 125009, Москва, Б. Кисловский переулок, д. 1, стр. 1 (www.iling-ran.ru, тел. (495) 690-3585).

С рукописью диссертации можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан _____ 2011 года.

*Учёный секретарь диссертационного
совета Д 002.006.03
кандидат филологических наук*

А. В. Сидельцев

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Предлагаемое исследование имеет своей целью изучение просодических явлений древнегреческого и латинского языков, рассматриваемых, главным образом, в связи с законами их ритмики и ударения. Нас будет интересовать то, каким образом достижения современного теоретического языкознания позволяют объяснить отдельные, до сих пор проблематичные явления в этих языках, и наоборот — что нового даёт древнегреческий и латинский материал для теоретической фонологии, общего языкознания и индоевропейской реконструкции. Но поскольку как ритмические, так акцентные законы обоих этих языков самым тесным образом увязаны с давней и, как оказывается, весьма загадочной проблемой *количества слога*, а также *моры*, традиционно мыслящейся единицей этого «количества», то именно они с неизбежностью оказываются центральными в настоящем исследовании. Они рассматриваются как с позиции общей просодической теории, так и (в особенности) применительно к материалу двух интересующих нас конкретных индоевропейских языков.

Положение вещей в современной науке таково, что ответы на эти вопросы обыкновенно ищутся людьми самых разных научных специальностей и исключительно редко приходится видеть, чтобы один специалист (или группа авторов) *одновременно* занималась исследованием этих, столь разных, проблем: как правило, классические филологи сравнительно мало интересуются строгой лингвистикой, представители теоретического языкознания — древними языками и индоевропейской реконструкцией, а индоевропейцы — современными фонологическими теориями. Если же говорить не о теоретической фонологии вообще, а лишь о той её стороне, которая связана с проблемами тона, ударения, ритма и интонации, то картина оказывается ещё более удручающей: крупных работ (объёма монографии) по теории просодики существенно меньше, чем по другим отделам фонологии, по просодике классических и индоевропейских языков — исключительно мало, в нашей стране они единичны. Такое положение вещей кажется тем более несправедливым, что исследования подобного рода в действительности имеют весьма серьёзные научные перспективы.

Обоснование актуальности исследования. Индоевропейская реконструкция (не только просодическая, а фактически — всякая) немислима без адекватного понимания, по крайней мере, законов ударения и долготы гласных, что в свою очередь предполагает, во-первых, исследование этих явлений в сохранившихся древних языках и, во-вторых, разработку такой просодической теории, которая бы удовлетворительно описывала эти явления.

При этом сама просодическая теория, созданная на фактах современных языков и (почти) не учитывающая данных языков древних, к сожалению, пока не может быть признанной удовлетворительной. Неудовлетворительной её можно считать уже потому, что на настоящий момент, как известно, не существует общепринятой теории слога, имеются серьёзнейшие разногласия в вопросе о фонетическом слове, словесном и фразовом ударении, о методологии изучения фразовой интонации, наконец, о сущности понятия ‘просодемы’, к которым Н. С. Трубецкой относил *слог в слогосчитающих языках и мору в моросчитающих*.

Последнее, однако, необходимо будет признать вопросом исключительной значимости, если вспомнить о словах Эмиля Бенвениста, говорившего о том, что выделение особого уровня языка возможно только в том случае, если существует единица, целиком принадлежащая данному уровню. Соответственно обоснование понятия ‘просодема’ и изучение свойств самих просодем в языках мира является необходимым следствием из признания особого уровня статуса просодических явлений.

Однако если теорию иных просодических явлений — таких как словесное ударение или фразовая интонация — в принципе возможно построить на данных хорошо известных языков, а уже потом применять к языкам древним и экзотическим, то общая проблема просодемы (и неразрывный с ней вопрос о морах) оказывается в этом отношении гораздо более сложным.

Решение этой задачи в нашу эпоху обыкновенно видится принадлежащим сфере влияния *типологии*. И действительно, применение различных типологических методов и приёмов, учёт многочисленных новооткрытых фактов самых разных экзотических языков почти за век существования типологии существенно обогатил наши представления о многообразии явлений в языках мира, предложив множество универсальных схем их классификации и объяснения. Однако типология не всесильна. Её очевидно слабыми сторонами (несомненно, являющимися продолжениями её достоинств) является значительно большее внимание к многообразию языковых фактов при недостаточном к системе конкретного языка в целом, и недостаточный учёт того, каким образом эти факты воспринимаются самими носителями языка; наконец, стоит указать и на значительную трудность в верификации типологических построений и тех фактов, на которых они строятся. Можно вспомнить слова великого Е. Куриловича, который, пытаясь построить свою теорию слога как раз на материале древних индоевропейских языков, отвечал экспериментатору Р. Г. Стетсону тем, что исследовать слоги в речи возможно лишь тогда, *когда понятно, что это такое*. Соглашаясь с мыслью Куриловича и немного перефразируя его слова,

мы можем сказать, что типологическое исследование просодемы возможно лишь после её теоретического обоснования.

Необходимо отметить, что помимо типологии, в значительно выйгрышном положении для решения поставленных задач оказывается и ряд частных лингвистических дисциплин. В первую очередь среди них можно назвать *востоковедение*: именно лингвист-востоковед чаще других имеет дело со значительной новизной языкового материала, рассматриваемой в сочетании с многовековой литературной и грамматической традицией, подкреплённой доступными его наблюдению памятниками¹. По сходным причинам развитию просодической фонологии как науки очень сильно способствовали *слависты* Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, В. А. Дыбо, *германисты* Э. Зиверс, С. Д. Кацнельсон, А. С. Либерман и многие другие.

Однако данные традиционной классической филологии, будучи рассмотрены с нетрадиционного угла зрения — с позиций общего языкознания, — способны привести в общую теорию языка не меньше новизны, чем все упомянутые дисциплины. Латинский и греческий языки в известном отношении — одни из самых экзотичных языков на свете. Их исследование имеет тот очевидный недостаток, что из триады языковых уровней Э. Косериу *Структура — Норма — Индивидуальная речь* мы полностью лишены последнего. Но это с лихвой окупается тем, что сохранившийся огромный объём текстов этих языков в сочетании с дошедшими до нас папирусами с диакритическими знаками, музыкальными памятниками, подробными описаниями (зачастую очень квалифицированных) очевидцев — древнеримских и древнегреческих грамматиков — и двухтысячелетней грамматической традицией во многом облегчает ту работу по критике источников, которую в идеале должен проделать как полевой исследователь бесписьменного языка, так и специалист-типолог.

Уже это делает необходимость привлечения фактов древнегреческой и латинской просодики в общее языкознание очевидной. Но если мы посмотрим на это глазами филолога-индоевропеиста, то ценность исследований такого рода возрастёт ещё более. Древнегреческий и латинский языки относятся к одним из древнейших по времени фиксации; широкая письменная традиция на древнегреческом языке возникла раньше, чем на санскрите; факты греческой и латинской просодики существенным образом увязаны с метрикой, сохранность (и достоверность) памятников которой подчас настолько высока, что в этом ей уступают иные произведения XX в.

¹Здесь можно вспомнить о вкладе в просодическую науку японистов Е. Д. Поливанова, Дж. МакКоли, бирманиста В. Б. Касевича, арабиста Дж. МакКарти и других востоковедов.

Предлагаемое здесь исследование строится *одновременно* на материале двух классических языков, что делает его новым звеном в цепи весьма почтенной в филологической науке традиции². Такой подход имеет то преимущество, что факты имеющихся языков могут изучаться одновременно и в сравнительно-историческом освещении, и в сопоставительно-контрастивном, и даже (при определённых условиях) в ареальном.

Исследование просодических проблем при таком подборе материала видится исключительно плодотворным: дело в том, что, помимо существенного расширения методологической базы исследования, это заставляет нас обратить самое серьёзное внимание и на те явления, которые *принципиальным образом различаются в одном и другом языке* и которые — в силу сходств метрических законов стиха и греко-римских грамматических традиции — долгое время оставались незамеченными или неверно истолкованными. Такой поворот научной мысли, несомненно, также должен способствовать повышению актуальности исследования.

Цели и задачи исследования, его логические основания.

ГЛОБАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕЙ настоящей работы служит попытка построить «мост» между проблемами греко-латинской просодики и современными фонологическими теориями; исследование такого рода мыслится как комплексное, лежащее на пересечении трёх не вполне дружных между собой областей знаний — классической филологии, теории языка и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания.

ЛОКАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ группируются вокруг центральной проблемы всей работы — проблемы моры и морных отношений, — и распадаются тройко, сообразно трём областям знаниям, очерченным выше.

- (1) *В теоретическом отношении* — это 1) разработка общей теории морных отношений в естественных языках, названной в работе Теорией фонологической кратности (ТФК), которая позволила бы создать понятийно-методологический инструментарий, достаточный для удовлетворительного описания рассматриваемых явлений в известных языках; 2) определение места классических языков в построенной системе; 3) определение места *моры* и явления *фонологической кратности в целом* в составе фонологической подсистемы естественного языка.

²К работам такого рода можно отнести целую серию известных книг, созданных французскими, английскими и американскими авторами: это сравнительно-исторические (А. Мейе и Ж. Вандриеса, К. Д. Бака, Э. Зилера), фонетико-фонологические (Э. Стертеванта, У. С. Аллена) и синтаксические исследования (А. Вейля).

- (2) *В филологическом отношении* — это детальное исследование просодики древнегреческого и латинского языка, проведённое с позиции разрабатываемой теории и решение многих давних вопросов, прежде не имевших удовлетворительного истолкования: к ним относятся 1) проблема квантитативного ритма обоих языков, 2) проблема ритмических стоп, 3) проблема моры как грамматического показателя (в древнегреческом языке), 4) многочисленные проблемы, связанные с описанием и реконструкцией ударения в обоих языках.
- (3) *В сравнительно-историческом отношении* — это восстановление предыстории латинской и древнегреческой акцентных систем, их выведение из индоевропейской с одновременной реконструкцией ряда фактов индоевропейского праязыка на основании новых данных, полученных в результате применения разрабатываемой теории к индоевропейскому материалу. Сопутствующей этой можно назвать и дополнительную задачу (гипотетической) внутренней реконструкции типологических особенностей языка-предка.

Важно отметить тот факт, что все перечисленные задачи — при всей их пестроте — не являются разнородными: лишь рассмотренные вместе, они создают замкнутую и самодовлеющую систему, определяющую место каждого из её составляющих. Центральной из них, однако, я понимаю вторую группу задач, связанных с адекватным описанием просодических законов исследуемых языков. Именно удовлетворительное решение этих проблем оказывается одновременно важнейшим доказательством правоты предложенной теории и ключом к построению предлагаемой в работе сравнительно-исторической реконструкции.

Таким образом, ОБЩИЙ ХОД ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ в диссертации следующий: 1) критическое исследование (общих) теорий предшественников > 2) (первичная) формулировка на этом материале новой теории > 3) её приложение к материалу исследуемых языков и одновременное уточнение ряда теоретических положений > 4) выведение следствий из нашей теории к индоевропейскому и общему языкознанию. Такое (дедуктивное) построение, при котором описание материала одновременно служит и доказательством теории, видится единственно возможным по следующей причине: исследовать факты (которыми в данном случае тем более оказываются не сущности, но *законы* языков) можно лишь в контексте некой общей теории, которая до сих пор не существовала; окончательная же разработка такой теории до её приложения к описываемому материалу невозможна ввиду обстоятельств, уже изложенных выше.

Научная новизна исследования. Научная новизна предлагаемой работы может быть оценена в *общем* и *частном* отношении: общее предполагает соотнесение работы с современным состоянием науки, частное — с другими работами подобного рода.

В **ОБЩЕМ ОТНОШЕНИИ** новизна работы заключается уже в том, что это, насколько можно судить, первое в современной науке монографическое исследование, специально посвящённое вопросу о сущности морных отношений и явлении фонологической кратности в целом, — причём рассмотренных как в рамках общей теории, так и конкретно в применимости к наиболее известному случаю, представленному греко-латинским материалом.

Отечественная лингвистическая традиция крупных работ подобной тематики не знает. На русском языке имеются работы, посвящённые общим просодическим проблемам, в том числе вопросу о просодемах (Ю. А. Клейнер), труды о просодике отдельных индоевропейских языков (А. С. Либерман, Т. А. Николаева), однако никогда проблема моры не была исследована на греко-латинском материале специально. При этом наиболее близкая по направленности к этой, авторитетная работа И. М. Тронского *Древнегреческое ударение* была издана почти 50 лет назад (1962) и отражает уровень научного знания 1930-50-х гг., с тех пор заметно изменившийся. Что же касается латинского материала, то диссертация продолжает и развивает идеи, высказанные в моей последней книге *Латинское ударение* (М., 2009), которая стала первым русскоязычной монографией на эту тему.

В современной западной традиции имеется некоторое число работ, посвящённых проблеме *слогового веса*. Это понятие, восходящее к англо-американской лингвистике, применяется для разграничения слогов в языке, формирующих фонологическую оппозицию, отличную от ударности/безударности. Вопрос о морах и квантитативном ритме в этой традиции нередко объединяется с проблемой веса (или даже смешивается с ним).

В диссертации показано, что понятия *слогового веса* и *фонологической кратности* существенно различаются между собой; соответственно в настоящей работе приводятся строгие критерии, позволяющие, во-первых, разграничить два упомянутых понятия, а во-вторых, формулируются и возможные различия в функционировании самой морной оппозиции в языках мира.

В **ЧАСТНОМ ОТНОШЕНИИ** новизну работе придают и следующие достигнутые в ней результаты:

- (1) предложена общая теория, описывающая сущность морных отношений в естественных языках и определяющая их место в просодической системе языка;

- (2) сформулированы или существенно уточнены понятия и категории, необходимые для адекватного описания имеющегося материала: *фонологическая кратность, мора, силлабические и вокалическая мора, парадигматично-свободные и связанные морные корреляции, метрическая стопа, монолитные и композитные образования, акцентно-просодическая (АПИ) и ритмико-просодическая иерархии (РПИ), морометрические и моросиллабические языки;*
- (3) по-новому рассмотрен вопрос о связи морных отношений со словесным и фразовым ударением;
- (4) выявлена способность моры выступать чистым грамматическим показателем;
- (5) выявлено различие в функционировании АПИ и РПИ иерархий в латинском и греческом языках;
- (6) установлено, что фонология латинского ударения удовлетворительно описывается в терминах РПИ-иерархии (силлабические моры); подобраны типологические параллели;
- (7) показана независимость обеих иерархий в древнегреческом, выявлены новые ограничения в действии древнегреческого ударения; последнее описано в терминах вокалических мор и акцентных парадигм; показано, что такое описание оказывается существенно лучшим для объяснения его закономерностей, чем все предшествующие;
- (8) показана зависимость баритонной акцентной парадигмы в древнегреческом языке от синтагматического фразового ударения праязыка; установлено, что ряд других индоевропейских языков отражает тот же самый процесс;
- (9) установлены некоторые закономерности фразового выделения в латинском; показана сходность этих законов с поведением словесного ударения в сложных словах других индоевропейских языков;
- (10) установлена зависимость окситонной акцентной парадигмы в древнегреческом от свойств «доминантных» и «рецессивных» морфем конца слова; высказана мысль, что эта особенность в сочетании с присутствием вокалических мор в праязыке может служить новым доказательством тональной природы праязыка, подтверждая тем самым известную теорию В. А. Дыбо.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные результаты имеют как теоретическую, так и практическую значимость. Общие выводы исследования могут быть использованы (и уже используются) в авторских курсах «Общая просодика», «Акцентология», «Сравнительно-историческая фонология

индоевропейских языков», также в курсах «История древнегреческого языка», «История латинского языка», «Древнегреческая и латинская метрика». Вся Глава 1 и значительные фрагменты глав 3, 4 и 5 могут быть полезны для курса «История лингвистических учений»; вся Глава 6 может быть использована и для теоретического курса «Латинский и индоевропейский синтаксис»; результаты, изложенные в Дополнении, могут быть полезны также типологам и востоковедам. С теоретической точки зрения данные всей работы могут быть использованы в специальных исследованиях по следующим направлениям: классическая филология, античная метрика, сравнительно-историческое языкознание, языковая типология и универсалии, общая фонетика (фонология), романская филология, история языкознания. Отдельные научные данные – такие, как природа фонологического веса, характер ударения, место ударения, фонология последнего слога, поправки к закону редукции, объяснение греческого ударения из контаминации силлабических и вокалических мор – могут быть применены в преподавании латинского и древнегреческого языков, включены в учебники и пособия.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

1. В ряде языков мира, в которых действует корреляция слогового веса, в том числе в латинском и древнегреческом, наблюдается явление *фонологической кратности*. Заключается оно в том, что категория слогового веса в них реализуется строго по правилам кратности — т.е. тяжёлый слог может быть представлен в виде n лёгких как в парадигматике, так и в синтагматике языка; при этом под тяжёлым и лёгким слогом подразумеваются члены фонологической оппозиции слогов, отличной от оппозиции ударности/безударности. Языки такого типа называются *моросчитающими языками*, а единица, создающее упомянутое противопоставление слогов — *морой*. В терминах пражской лингвистической школы можно сказать, что моросчитающими их делает *градуальный* характер оппозиции, которая в прочих языках представлена как *привативная* или не представлена вовсе.

2. Система правил фонологической кратности в языке есть *факт фонологизации*; это можно понимать так, что отношения фонологической кратности могут основываться на различном сочетании некоторых акустических параметров, в частности того, в каком соотношении акустическая длительность слога находится с кривой его интенсивности. При этом такая фонологизация мор имеет иерархическое строение, в котором может быть определено место для всякого естественного языка: *нет слогового веса > есть слоговой вес > есть силлабические моры > есть вокалические моры*; фонетически этому соответствует последовательное возрастание значения длительности в процессе фонологизации морных отношений.

3. Эта фонологизация имеет две стратегии, результатом которых являются *вокалические и силлабические моры*, по-разному представляющие фонологическую категорию длительности: силлабические моры репрезентируют всякую фонологически значимую *n*-морную единицу, тогда как вокалические моры — такую, которая представляет собой ряд последовательно идущих сегментов. Таким образом, всякие вокалические моры силлабические, но не всякие силлабические моры вокалические. При этом даже в рамках одного языка допустимо сосуществование и той и другой морных корреляций: к примеру, последний слог древнегреческого языка явно тяготел к вокалической двуморности, тогда как неконечный безударный слог стремился этого избегать.

4. Разные языки в различной степени подчинены каждой из этих стратегий. Можно выделить два крайних случая в реализации обеих морных корреляций: 1) пример японского языка, в котором *все* двуморные последовательности могут быть признаны вокалическими и 2) пример классического арабского языка, в котором *никакие* двуморные последовательности не являются вокалическими. Первые языки я называю *морометрическими*, вторые — *моросиллабическими*.

5. Вокалические моры ответственны за формирование *акцентно-просодической иерархии* языка (АПИ), силлабические — за *ритмико-просодическую иерархию* (РПИ). В последовательно морометрических языках первая иерархия подчиняет вторую, в последовательно моросиллабических — возможно обратное.

6. Соответственно, различие силлабических и вокалических мор существенно для описания кульминативных законов языка, в частности ударения. Всякое тональное («музыкальное») ударение требует наличия вокалических мор хотя бы в ударном слоге, тогда как для силового ударения минимальной просодемой должен быть слог. При этом один факт наличия вокалических мор в языке не доказывает тональности его ударения, поскольку помимо ударения существуют и другие явления (например, контурные тоны), способные подчинять себе этим моры.

7. Латинский язык классической эпохи есть язык последовательно моросиллабический. Это исключает для него фонологически значимый тональный перепад и заставляет видеть ролью ударения выделение некой ритмически сильной позиции в слове, что автоматически решает вопрос о (фонологическом) характере латинского ударения. Древнегреческий язык в отличие от латинского обладает фонологически значимыми вокалическими морями в некоторых слогах слова, к числу которых относится и ударный. Таким образом, иерархии АПИ и РПИ в латинском близки друг другу, а в греческом — противопоставлены.

8. Мора в обоих языках была важнейшим ритмообразующим элементом. В древнегреческом мора была способна выступать чистым грамматическим показателем и входить (в составе слога) формировать более высокие единицы иерархии РПИ, названные стопами. Для латинского языка показано отсутствие стоп и их полная невозможность. Однако в нём имелись устойчивые двуморные образования, соответствующие минимально возможным фонетическим словам, которые, однако, стопами не являлись. При этом иерархия РПИ в латинском III-II вв. до Р.Х. подчиняла иерархию АПИ.

9. Вокалически двуморная последовательность в древнегреческом языке была возможна только в одной из двух позиций: или в последнем слоге слова, или — если последний слог одноморен — в ударном. При этом всякий силлабически двуморный слог в конце греческого слога оказывается двуморным и вокалически — даже в том случае, если слог этот имеет краткий слогиноситель, а двуморность определяется группой согласных. Следствием этого оказываются вновь установленные 1) особые ограничения дальнейшей баритонезы, 2) невозможности циркумфлекса ни в одной позиции слова, оканчивающегося на двойной согласный. Как следствие, всякий долгий гласный, оказавшись в таком слоге, вступает в отношения разделения моры с согласным и подвергается позиционному сокращению.

10. С другой стороны, установленные нами правила взаимодействия силлабических и вокалических мор в конце слова позволяют эффективно объяснить поведение ударения и в окситонезе, сведя всю систему древнегреческого ударения к взаимодействию *двух акцентных парадигм*: 1) *окситонной*, ограничивающей ударение в конце слова, и 2) *баритонной*, допускающей его максимальное удаление от конца. Таким образом, при всей пестроте и разнообразии древнегреческих акцентных законов, за ними явно просматривается их более простая индоевропейская первооснова.

11. Окситонная и баритонная парадигма отражают *различные принципы устройства*, унаследованные из прагреческого состояния. Баритонная парадигма, будучи полностью подчинённой правилам вокалических мор, оказывается устроенной по *категориальному* признаку. Пределом перемещения ударения в древнегреческом является третья вокалическая мора от конца, что в свою очередь помогает эффективно объяснить проблему дальнейшей баритонезы для слов типа ἄνδρωπος. В таких словах статус центрального слога в ἄνδρωπος с точки зрения ударения ничем не отличен от такового в слове ἄναχτος: они оба двуморные, но вокалически нечленные. Баритонеза была в древнегреческом типом акцентуации «по умолчанию».

12. Окситонеза в дренегреческом языке, напротив, имеет явные *парадигматические* черты, объясняемые в терминах доминантных и рецессивных морфем В. А. Дыбо или «внутренне ударных» и «внутренне безударных» морфем П. Кипарского. Таким образом, дренегреческая акцентная система, столь причудливо сочетавшая категориальный и парадигматический принцип акцентуации, представляет собой не до конца завершённую попытку перестроения индоевропейской парадигматической акцентной системы по морфному принципу.

13. Поведение дренегреческого ударения в парадигмах наиболее эффективно может быть объяснено наложением свободного силового индоевропейского ударения на систему вокалических морфем, уже существовавшую, по крайней мере, в конце слова. Это позволяет предположить, что система вокалических морфем существовала и раньше, задолго до подчинения ударения, и обслуживала другие просодические явления (по-видимому, контурные тоны).

14. При этом установлено, что поведение дренегреческого ударения в баритонезе (бывшей акцентной парадигмой по умолчанию) принципиальным образом не отличается от поведения греческого фразового ударения при энклитиках; тогда как сами отношения между энклитиками, как в дренегреческом, так и, видимо, в индоевропейском имеют много общего с организацией порядка слов в предложениях латинского и ряда других древних индоевропейских языков. Всё это заставляет видеть в баритонезе её *исконную фразовую природу*.

15. Далее установлено, что поведение ударения в дренегреческом слове принципиально не отличается от его поведения в сложных словах и синтаксических конструкциях ряда индоевропейских языков, в том числе латинских, дренегреческих и санскритских. Правило это я формулирую так, что *монолитные образования имеют одно ударение на начальном элементе (т.е. баритонезу), тогда как композитные образования обязательно выделяют ударением второй (конечный) элемент*³. Это не только подтверждает вывод п. 14, но и позволяет думать, что выбор греческим словом окситонной парадигмы, а не баритонной в ряде случаев может быть объяснён не только исконной «доминантностью» ударной морфемы, но и её *исконным фразовым выделением*. Такое решение может быть полностью приложимо к сложным словам, а также отчасти к индоевропейским случаям типа τούρος ‘резак’ : τόμος ‘отрез’.

³Под монолитными понимаются сложные образования имеющие семантико-просодическую целостность («односоставность») в данном ярусе системы языка; композитные, напротив, имеют подчёркнуто составной характер. Так, выражение *на дбм* — композит, а *на дом* — монолит; монолитностью на уровне слова характеризовались в древних и-е. языках образования типа бахуврихи или многие случаи префигирования.

16. Таким образом, получается, что древнегреческое ударение баритонезы (и соответственно индоевропейское рецессивное ударение) есть исконно ударение **фразового типа**. Соответственно языковое состояние, предшествующее древнегреческому, отличалось 1) наличием независимых от ударения вокалических мор; 2) подвижным (силовым) фразовым ударением; 3) функциональной близостью понятий ‘слог’ и ‘морфема’ (поскольку последние, согласно теории Дыбо – Кипарского, были способны иметь просодические характеристики). Ближайшие типологические сопоставления заставляют предположить, что предком известных нам индоевропейских языков с большой степенью вероятности был язык *силлабоморфемного строя*.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

РАБОТА СОДЕРЖИТ Введение, 6 глав, Заключение, Дополнение (фактически являющееся дополнительной главой) и Приложения. Критическому анализу предшествующих общих теорий отведена Глава 1, формулировке новой теории — Глава 2; главы 3-6 представляют собой приложение теории к греко-латинскому материалу; в Дополнении в свете полученных мной результатов рассматриваются некоторые проблемы индоевропейистики и общего языкознания. Подробное обоснование разбиения материала по главам работы для большей наглядности представлено в Главе 2 непосредственно после изложения основных теоретических положений.

Глава 1. Вопросы, связываемые в настоящей работе с явлением фонологической кратности, обыкновенно рассматриваются в науке в терминах не вполне совместимых друг с другом систем: в более традиционных терминах *моры и количества*, восходящих ещё к античным временам, и более современных — *слогового веса*, который у некоторых авторов дополняет учение о морах, а у иных, напротив, — скорее опровергает. По этой причине ПЕРВАЯ ГЛАВА имеет своей целью не пересказать мысли предшественников (зачастую совершенно несогласных между собой), а провести критическое исследование того, сколь по-разному могли ими пониматься и интерпретироваться явления *моры* и *слогового веса* и какое понимание окажется наиболее актуальным для нас, вглядывающихся в научную традицию с высоты протекших более чем двух с половиной тысяч лет.

Рассматриваются теории античных авторов, фонологические теории недавнего времени (в первую очередь пражского структурализма и генеративизма) и ряд новейших экспериментальных исследований.

Античная традиция даёт нам первую важнейшую антитезу, связанную с пониманием проблем количества. Дело в том, что античные теоретики рассматривали количество *двойственно*: с точки зрения «ритмики» (т.е. фактически музыки) и с точки зрения «метрики»: музыкальная теория обращала значительное внимание на *реальное (фонетическое) звучание* слога, и потому слоги различной длительности могли содержать в себе от 1 до 6 *tempora* (латинский эквивалент термина *мора*), тогда как те же самые слоги, рассмотренные метрически, будут иметь строго или 1 или 2 *tempora*. Соответственно различие между подходом античной ритмики и метрики есть различие между фонетической и фонологической, и тогда *мора (tempus)* в первом смысле должна мыслиться всего лишь как условная единица измерения длительности (звучащего) слога, при том, что во втором — это структурная единица языка.

Это различие между фонетическими и фонологическими морями вольно или невольно возникает в трудах лингвистов нового времени, за тем, однако, важнейшим различием, что море как правило приписывалось лишь одно из этих двух свойств — т.е. одни учёные видели в них не более чем условные единицы (Л. Блумфильд, Э. Стертевант), тогда как иные, в первую очередь структуралисты, обращали пристальное внимание на их фонологическое значение. Поскольку настоящая работа посвящена именно вопросам просодической фонологии, то последние теории анализируются наиболее внимательно. В Главе 1 рассматриваются труды Пражской фонологической школы (Р. Якобсона, Н. С. Трубецкого); работы американских структуралистов середины XX в., открывшие проблему слогового веса (в частности посвящённые африканскому и индейскому языкознанию: Э. Сепира, Э. Стевика, Ч. Хоккетта), и, напротив, критиков морской теории (Р. Г. Стетсона, У. С. Аллена и отчасти близкого им в этом вопросе Е. Куриловича); наконец, труды наиболее известных генеративистов, как выступавших за введение в теорию языка идеи моры (Дж. МакКоли, А. Принса, Б. Хейса, Л. Хаймана, П. Ауэра), так и строявших свою теорию слога без таковой (Дж. Левин, Е. де Шен, С. Андерсон); признаётся победа первых над вторыми, важнейшим поворотным пунктом которой (в Америке), по всей вероятности, следует считать работу Принса (1980), а в Европе — Г. Хокка (1986). Таким образом, у нас имеются все основания признавать за морой особое место в структуре ряда языков.

Наконец, анализируются новейшие экспериментально-типологические данные, полученные из многочисленных работ Э. Девайна и Л. Д. Стивенса (1982-1994), группы американских исследовательниц (Э. Брозелу, Су-И Чэн и М. Хаффман (1995)) и автора наиболее подробного и современного исследования по проблеме слогового веса М. К. Гордона (2006). Выбор двух последних работ

интересен, в частности, тем, что анализируя до некоторой степени сходный материал и полностью приводя все экспериментальные данные, авторы двух работ приходят к совершенно различным выводам: американские исследовательницы утверждают, что слоговой вес создаётся почти исключительно длительностью слоговых сегментов, тогда как Гордон (на более обширном материале) показывает, что это совершенно не так и длительность имеет явно подчинённое положение. При этом американки описывают слоговой вес исключительно в терминах моры (и анализируют только моросчитающие языки), тогда как Гордон следует безморной модели Левина и берёт самые разные языки.

Помимо этих данных, привлекаются ещё и результаты ряда экспериментальных исследований по психологии ритма, по исследованию речевых нарушений (заикания) у носителей моросчитающих языков, некоторые этнографические и культурологические сведения, связанные с функционированием количественного ритма и морных ударений.

Глава 2. Проведённый критический анализ всех описанных материалов позволяет в первом приближении сформулировать в ГЛАВЕ 2 действующую рабочую гипотезу, способную объяснить тот факт, почему тщательно проведённые исследования предшественников дают совершенно противоположный результат. Эта гипотеза, подтверждённая дополнительными фактами, в частности её удовлетворительной применимостью к описанию явлений интересующих нас языков, превращается в *Теорию фонологической кратности*. Важнейшим положением здесь оказывает то, что *морные отношения представляют собой частный случай слогового веса, при котором фонологические корреляты выступают как дискретно соотносящиеся друг с другом геминаты*. Это явление и называется в работе *фонологической кратностью*, тогда как языковой единицей, описывающей противопоставление слогов по правилам кратности, оказывается как раз *мора*; мора и слог вместе составляют класс *просодем* языка. Таким образом, становится понятным, что две описываемые теории (Гордона и группы исследовательниц) оказываются взаимодополняющими и одновременно в равной степени недостаточными: первая (справедливо) объединяет в категорию фонологического веса явления, свойственные как моросчитающим, так и слогосчитающим языкам, несколько при этом не различая их, тогда как вторая справедливо настаивает на длительности как определяющем факторе для морных отношений (т.е. фонологической кратности), однако категория слогового веса оказывается при этом неотличной от них. Теория фонологической кратности решает

эту проблему, формулируя систему специальных критериев, позволяющих вычлениить признаки, отчленяющие собственно моросчитающие языка от более общего класса языков со слоговым весом. Действие этих правил проверяется на материале двух моросчитающих языков: живого японского и мёртвого древнегреческого.

Основные положения Теории уже были приведены выше (в пред. разделе); здесь ограничимся упоминанием лишь самых важных моментов, существенно определяющих логику исследования.

Как видно, мора определяется в работе не аксиоматически, но напротив выводится из самого явления фонологической кратности. При этом, продолжая идеи член.-корр. РАН Т. А. Николаевой о фонологизации ударения, мы говорим о том, что многоморность, если говорить упрощённо, в первую очередь есть *результат фонологизации* длительности слога относительно его перцептивной способности; существуют две стратегии такой фонологизации, которые дают *силлабические* и *вокалические* моры. Силлабические моры представляют собой единицу абстрактного противопоставления одноморных и многоморных слогов; вокалические моры представляют собой частную реализацию силлабических, при которых *n*-морный (чаще двуморный) слог фонологически реализуется как *членимая во времени* морная последовательность. Наличие вокалических мор хотя бы в некоторых (ударных) слогах служит обязательным условием для существования в языке «музыкального» ударения или регистровой корреляции (контурных тонов). Вокалические моры названы так потому, что в подавляющем большинстве случаев они реализуются гласными или исполняющими их роль сонорными; однако встречаются случаи, когда они могут строиться и смычными согласными.

Имеются языки, в которых представлены только силлабические моры: латинский, ряд арабских диалектов; их я называю *моросиллабическими* языками. Имеются, напротив, такие, в которых все многоморные слоги состоят из вокалических мор (японский, банту); они именуются *морометрическими*. В последних нет принципиальной разницы между категорией моры и просодемы; первые, напротив, стремятся к искоренению различия между просодемой и слогом. Бывают, наконец, промежуточные случаи. Древнегреческий язык классического ионийско-аттического диалекта как раз и оказывается таковым. В этом языке каждый слог фонетического слова с неизбежностью должен быть силлабически двуморен или одноморен. Однако один из них может быть ещё двуморен и вокалически: это либо последний слог, либо (если последний не таков) ударный. Силлабические моры эксплуатируются в древнегреческом языке различными ритмическими законами; вокалические обслуживают ударением. Именно в вокалически двуморном слог

возможно появление циркумфлекса, однако (ввиду ограниченности позиции ударения 3-мя последними вокалическими морями слова) противопоставление акута/циркумфлекса фонологично только в последнем (или единственном) слоге.

Отсюда мы получаем иерархию, конкретизирующую варианты слогового веса (СВ) в различных языках:

нет СВ > есть СВ > есть силл. моры > есть вок. моры

Естественно полагать, что эта иерархия отражает последовательно нарастающую доминацию длительности над интенсивностью.

При этом видится целесообразным говорить о *парадигматически свободных* и *связных морных корреляциях*: первые представляют собой случай, когда каждая из подряд идущих просодем слова может быть или не быть неморной, тогда как вторые имеют ряд дополнительных ограничений. Так, силлабические моры в древнегреческом языке представляют собой свободную корреляцию, а вокалические — (в целом) связную. Следствием существования парадигматически свободной корреляции в языке окажется то, что словоформа представляет собой как бы устойчивую просодическую решётку, имея относительно постоянный ритм внутри себя. Стремлением к сохранению этой решётки может быть объяснено заместительное удлинение и ряд других процессов, подчинённых сохранению общей ритмики слова. Отсюда становится понятным, что квантитативное стихосложение возможно только для языков, имеющих такую решётку, ибо размещения слова в стихе ограничено ритмическими возможностями слова.

Рассмотренный мной материал недвусмысленно даёт понять, что мора может быть эксплуатируема системой языка по-разному: в некоторых языках моры обслуживают главным образом ритмику (латинский), тогда как в иных они преимущественно отвечают за акцентные явления (литовский), а в третьих — входят и туда и туда (древнегреческий). Это различие может быть описано в терминах *просодической иерархии*. Для нашего исследования может оказаться удобным говорить соответственно о двух типах просодических иерархий, в которые может быть вовлечена мора. Это 1) ритмико-просодическая иерархия (РПИ), способная быть представленной как

мора > слог > стопа > фонетическое слово

и 2) акцентно-просодическая иерархия (АПИ), выступающая в терминах

мора > слог > словесное ударение/тон > фразовое ударение.

Первая отражает самостоятельно значимые единицы ритмического членения текста; вторая — позиции кульминационного выделения в тексте. Исследование этих иерархий в языке предполагает, во-первых, установление тех элементов иерархии, которые реально

в нём представлены и, во-вторых, описание взаимодействия этих элементов как в пределах уровней, так и между ними.

Общепринятой теории слога на настоящий момент нет; в этом исследовании я исхожу из априорного признания его (слога) данности. Обоснование формального выведение (фонетического) слова из априорно данных слогов представлено проф. П. С. Кузнецовым и акад. Ю. С. Степановым. Стопа может быть представлена как промежуточная единица между слогом и фонетическим словом, причём реализуется она в виде группы слогов, но определяться может как в терминах слогов (акцентные стопы германских языков), так и в терминах мор. Последние стопы, называемые здесь *квантитативными*, разбираются в Главе 3.

Иерархия АПИ нуждается в больших пояснениях, так как среди различных научных школ и подходов нет единой концепции словесного ударения, и очень по-разному мыслится и определяется ударение фразовое. В работе принимается (и утверждается) следующая концепция.

Словесное ударение чаще всего понимается как выделение одной просодемы в слове теми или иными средствами (силой голоса, длительностью и т.д.). Такой подход, однако, не кажется удачным из-за того, что он фактически не затрагивает *фонологическую* сущность акцентного выделения. В работе, напротив, вслед за А. С. Либберманом утверждается, что ударение есть *позиция доминантности одной просодемы в слове над остальными*. Сущность такой доминантности заключается в том, что носитель языка каким-то образом знает, какой слог или какая мора в слове находится в особом положении; соответственно фонетическое выделение оказывается лишь следствием этой доминантности, причём отнюдь необязательным. Сама доминантность той или иной просодемы может обслуживаться (и одновременно создаваться) действием определённых фонологических законов.

Так, в русском языке только в одном из слогов слова возможно одновременное существование всех пяти гласных; все остальные слоги способны различать меньшее число фонем. Традиционное решение предполагает, что гласные сократились из-за воздействия ударения; мы же имеем право считать, что, напротив, такое положение вещей *создаёт* (т.е., по Т. М. Николаевой, фонологизует) определённую позицию как доминантную и, стало быть, ударную. По типу доминирующей просодемы (слог или мора) ударение может классифицироваться как *слоговое* или *морное*; в последнем случае возможно говорить о его музыкальном характере, так как

доминанция одной моры над другой (или другими) с неизбежностью должна создавать фонологически значимый тональный контур. По способу определения этой просодемы в слове ударение может быть *категориальным* или *парадигматическим*: в первом случае доминирующая просодема определяется каким-либо, как правило, вполне механическим правилом («ударение падает на третью мору от конца»), действующим в пределах словоформы; во втором случае знание о том, какая просодема ударна, является своего рода априорным, а законы его сохранения/передвижения распространяются уже на целую парадигму форм (пример: акцентные парадигмы русского или литовского языков).

Если же слово некоего языка устроено таким образом, что ни одна позиция в нём никакими фонологическими средствами не определяется как ударная, то это означает, что слово не имеет ударения. Слова без ударения (энклиномены) широко известны и в языках, имеющих ударение. Наконец, возможна ситуация, когда (практически) все слова языка оказываются энклиноменами; в этом случае правильно говорить о том, что в этом языке нет словесного ударения. Типичными примерами такого рода будут французский или бенгальский языки.

Общеизвестный случай французского языка совершенно явно показывает, что отсутствие словесного ударения не обязательно означает отсутствие акцентного (фонетического) выделения: так, часто полагают, что во французском ударение ставится «на последнем слоге». Это заставляет нас провести строгое различие между *ударением словесным* и *ударением фразовым*: если словесное ударение есть *внутренний* «маркер» словоформы, фонологически подчёркивающий её кульминативный центр, то фразовое ударение напротив имеет *внешний* характер, выделяя слово, а не просодему, выделяя его «из вне» (т.е. из текста), а не «изнутри» (из слова). И хотя пики фразового ударения в языках, имеющих ударение словесное, приходится обыкновенно на доминирующую просодему (т.е. позиции фразового ударения и словесного имеют тенденцию совпадать), мы имеем дело с явлениями совершенно различного порядка.

При этом уже приведённый пример французского языка вполне наглядно способен показать, что распределение фразового ударения в определённых позициях текста может иметь вполне механический характер; такое «механическое» фразовое ударение выполняет роль разграничителя таких тактовых групп; акад. Л. В. Щерба предлагал называть его удачным термином *синтагматическое ударение*. Но поскольку почти каждая словоформа есть полноценный двусторонний знак, её попадание в позицию синтагматического

выделения означает одновременно и выделение смысловое, сопряжённое с определённым актуальным значением. Тем самым в языках с относительно свободным порядком слов открывается возможность специальной «перетасовки» слов в тексте, с целью выделения нужных из них при помощи такого «механического» ударения. Однако подобное смысловое выделение достижимо и иным средством: сохранением слов в их обычном положении, с одновременным «принудительным» фразовым выделением. Такое ударение Л. В. Щерба называл *логическим*. Соответственно мы имеем дело с явной взаимосвязью фразового ударения и порядка слов в предложении. Если теперь принять, что в каком-либо языке в принципе устанавливается порядок слов «по умолчанию», то открывается интересная возможность реконструкции фразовых законов из порядка слов. Особенно это актуально в случае с интересующими нас древними языками, в которых порядок слов — это, пожалуй, единственный возможный источник знаний такого рода. При этом отдельной, причём исключительно важной для нас, проблемой станет возможность/невозможность совмещения в одной просоде фразового и морного (т.е. музыкального) ударений. В работе будет показано, что рассмотрение законов ударения древних индоевропейских языков с учётом всех предложенных категорий существенно меняет наши представления об акцентной системе праязыка.

Таким образом, дальнейшей задачей оказывается реконструкция и описание ряда ритмических и акцентных (словесных и фразовых) законов латинского и греческого языков, сделанное на основании всех имеющихся у нас данных. Этому посвящены остальные главы работы.

Глава 3. Эта глава исследует ряд ритмических законов древнегреческого и латинского языка, имеющих, насколько можно судить, до некоторой степени общую природу. Подробно рассматриваются следующие вопросы: 1) *Может ли мора выступать чистым грамматическим показателем (т.е. служить единственным способом выражения грамматического значения)?* — удовлетворительное решение этого вопроса одновременно доказывает возможность существования парадигматически свободных морных корреляций в принципе. 2) *Были ли в латинском и/или древнегреческом языке фонологические стопы?* — удовлетворительное решение хотя бы для одного языка доказывает возможность существования иерархии РПИ как таковой.

Ответ на первый вопрос даётся удовлетворительный. Существование «чистой моры» доказывается для древнегреческого языка на примере совмещения правил слияния гласных и правил амплификации (аугментации и редупликации) в глагольных формах; при

этом сами правила в предложенном виде формулируются в отечественной науке впервые. Предложенное в работе описание этих законов древнегреческого языка позволяет ясно показать, что аугментация исторических времён в нём строилась правилом добавления моры слева от корня, причём «содержимое» этой моры либо зависело от гласного начала корня, либо заполнялось «гласным по умолчанию», которым в древнегреческом был ϵ . Правила редупликации имеют более сложный характер, но могут быть удовлетворительно описаны в терминах просодических шаблонов Дж. МакКарти и А. Принса, которые частично состоят из готовых сегментов, а частично представляют собой «чистые моры». Таким образом, существует как минимум один язык, в котором возможен феномен «чистой» моры, что само собой уже служит доказательством правомерности выделения РПИ-иерархии. Однако в образовании формы *abl. sng.* в латинском языке также можно обнаружить следы действия сходных аугментации механизмов.

Значительная часть Главы 3 посвящена общей проблеме теории стоп и проблеме их выделения на латинском и греческом материале. Критический анализ работ предшественников, исследовавших с разных сторон как классические языки (Э. Девайн и Л. Стивенс, Р. А. Местер, Дж. Парсонс, Дж. Клаксон и Дж. Хоррокс), так и лингвистов-типологов (МакКарти, Принс и др.) показывают, что выделение стопы оправдано только в том случае, если соблюдено важнейшее условие её нормальной двусложности, при том, что такая группа должна выступать неким фонологическим «моноклитом» в ряде ритмических законов. Это положение заставляет меня на настоящий момент согласиться с мыслями Девайна и Стивенса и их правилами выделения стоп в древнегреческом, однако опровергает все возможные попытки других учёных увидеть стопы в латинской фонологии. Невозможность этого подтверждается и статистическим подсчётом встречаемости слов типа *senex* (т.е. устойчивый ямб) в языке римской комедии: показано, что эти слова имеют возможность члениться на слоги в ряде типичных ситуаций.

Итак, в Главе 3

- (1) Показана способность моры быть чистым морфологическим показателем в древнегреческом языке.
- (2) Показана принципиальная возможность существования квантитативных стоп в древнегреческом и невозможность этого в латинском.
- (3) Одновременно установлено, что латинские «стопы» в понимании Местера, Парсонса, Клаксона и Хоррокса в действительности таковыми не являются. Стопы в понимании Девайна и Стивенса в латинском языке невозможны из-за иного устройства системы просодической иерархии.

- (4) Показано, что слова типа *senex* действительно распределяются в текстах римской комедии так, что в большинстве случаев не разбиваются между стопами, образуя некое единство. Однако стремление к такому единству, во-первых, не является абсолютным, а во-вторых, его результат всё равно не может классифицироваться как стопа.
- (5) Однако в латинском языке существовали особые двуморные просодические единства (типа *mare*), обязанные своим существованием чрезвычайно строгим ограничением минимального фонетического слова. Впрочем, такие единства стопами не являлись.
- (6) Организация РПИ-иерархии в латинском языке такова, что исключает возможность объяснения ритма с позиций акцентно-иктовых теорий. Необходимо признание *чистого квантитативного ритма*.

Глава 4. Она посвящена анализу функционирования АПИ-иерархии в латинском. Результаты моего исследования в этом направлении в полной мере опубликованы в монографии (Белов 2009, *Латинское ударение*) и потому могут быть легко доступны. Ограничимся здесь краткой формулировкой проблемы и перечислением важнейших выводов.

Важнейшая проблема латинского ударения та, что результат внутренней реконструкции акцентной системы классического времени принципиально отличается от показаний античных источников: почти все они говорят о тоне, тогда как реконструкция даёт нам в основном данные о «динамическом» (слоговом) ударении. Это самым тесным образом связано и с проблемой моры, поскольку надо удовлетворительно объяснить возможность сосуществования такого ударения и квантитативной системы стихосложения в классическом латинском, казавшаяся ряду авторитетных исследователей (И. М. Тронский, У. С. Аллен) просто невозможной. Одновременно встаёт вопрос и об удовлетворительном диахроническом описании латинской акцентной системы, строго разделяющем его важнейшие этапы.

Теория фонологической кратности позволяет удачно разрешить эти и некоторые другие проблемы.

Разграничение силлабических и вокалических мор и признание отсутствия вокалических мор в латинском (по крайней мере в непоследнем слоге) не только позволяет объяснить возможность сосуществования слогового ударения (а другого в таком случае и быть не может) и квантитативной ритмики, но и подыскивает хорошую типологическую параллель латинскому — классический арабский. При этом отсутствие вокалических мор в латинском мыслится как сращение двух просодических иерархий (АПИ и РПИ) в пользу

РПИ: т.е. законы словесного ударения оказываются выводимы из общей ритмики слова, что является обратной картиной японской, в которой РПИ и АПИ срастаются в пользу АПИ и ритмика слова оказывается следствием законов просодики слова. В работе приводится формула, выводящая позицию ударения из длины слова и таблица, наглядно показывающая явное стремление латинского ударения выступать одновременно и ритмическим центром слова, разделяя его на сопоставимые друг с другом части (в пропорции близкой 1:1 или по «золотому сечению»).

При этом ударный слог, по всей видимости, действительно содержал в себе значительный тональный компонент. Его происхождение может быть как чисто словесное (в работе приводятся данные, говорящие о значительном фонетическом тоне на ударных слогах слогосчитающих языков), так и иметь фразовую природу — в особенности потому, что ударение слова одновременно оказывается и (потенциальным) центром локализации фразовой просодики. Причём тон этот мог иметь как внутрязыковую природу, становясь различителем безусловно существовавших в языке интонационных конструкций, так и мог быть внеязыковым, отражая эмоции говорящего, его текущее душевное состояние и т.п.. В последнем случае уместным будет указать и на то, что ряд античных источников, в частности, *Оратор* Цицерона, который, разбирая вопрос музыкальности ораторской речи (*Orat.* 55-56), совершенно недвусмысленно увязывает позицию (словесного) ударения и эмоционально-окрашенные интонационные движения оратора.

Этот тон, по-видимому, и замечали античные грамматиканы. Однако здесь важно отметить и тот факт, что проведённое (в монографии) детальное исследование более 25 римских грамматических источников об ударении, даёт понять, что лишь в единичных случаях античные грамматиканы действительно рассуждали о тоне именно в латинском языке. Гораздо чаще употребление выражений типа *syllaba acuitur* означает, что речь идёт о постановке графических знаков острого ударения, имеющих, надо полагать, широкое применение в позднеантичной школе, а отнюдь не о фонетической реальности; наконец, ещё во многих случаях авторы не различают того, говорят ли они о греческом ударении или о латинском. Причём в последнем случае имеет место существование т.н. *просодического сита*, известного в практике преподавания русского как иностранного, когда носители одного языка судят о просодике другого через призму своего (путая тем самым, например, рус. ИК-3 и кит. 2-й тон). Подобная ситуация вполне могла иметь место в поздне-республиканскую эпоху, когда первые грамматиканы (этнические греки, имевшие вокалические моры) впервые услышали и описали живую латинскую речь.

Диахронически история латинского ударения описывается следующими этапами.

- (1) Доисторическое свободное ударение, имевшее место прим. до 500 г. до Р.Х. В эту эпоху, надо полагать, существовали и силлабические и вокалические моры: существование последних доказывается предложенной в работе интерпретацией закона редукции, до действия которого явно различались *долгие* и *тяжёлые* слоги.
- (2) Эпоха начальной интенсивности и последовавшей редукции (ок. 500 г. до Р.Х.), уничтожившей вокалические моры в неконечных слогах и отнявшая саму возможность существования тонального ударения; тогда же происходит окончательная консолидация слова.
- (3) Доклассическая эпоха (III-II вв.): начальной интенсивности больше нет, слова оказываются фонологически безударными; ударение есть функция от ритмической структуры исхода слова (определяемой силлабическими морами); его позиция — 2/3 слог от конца. Такая ситуация продержалась примерно до 1-й четверти I в. до Р.Х.
- (4) Классическое ударение: примерно с 80-х гг. I в. до Р.Х. до конца II в. Латинское ударение освободилось от всякой морной зависимости и стало ставиться по традиции; прежде безударные, слова получают новое ударение, которое возникает в позиции 2/3 слога. При этом силлабические моры ещё существуют.
- (5) Позднее ударение (с III в. по Р.Х.): силлабические моры пали, ударение ставится по традиции, при этом его место значительно нарушается, а само оно всё чаще становится фактором редукции, синкопы и т.д. Эта картина сохраняется в итальянском языке фактически по настоящее время.

Глава 5. Эта глава посвящена описанию и внутренней реконструкции древнегреческой акцентной системы. Хотя научная литература по этому вопросу вполне обширна, на настоящий момент не существует ни одной общей теории даже ионийско-аттического ударения, которая бы удовлетворительно описывала весь спектр известных нам явлений и была бы при этом относительно простой и общей. Теория фонологической кратности, предлагающая разграничение силлабических и вокалических мор, позволяет значительно продвинуться в этом направлении.

Классическое ионийско-аттическое ударение описывается в работе в четыре приёма.

Во-первых, устанавливается явная зависимость крайней позиции ударения от наличия группы согласных в исходе древнегреческого

слова, — явление, полностью незамеченное такими именитыми авторами, как И. М. Тронский, С. И. Соболевский или У. С. Аллен. В работе, однако, показано (статистически и методом критики источников), что наличие группы согласных ограничивает крайнюю позицию не только акута (что признавали некоторые предшественники — К. Гёттлинг, Г. У. Смайт, Ф. Проберт и др.), но и циркумфлекса; одновременно установлена недостоверность циркумфлекса в словах типа φοῖμιξ (требуется φοίμιξ, что доказывается также внимательным прочтением ряда источников — Аркадия, Геродиана и Хировоска) и формулируется новая акцентная закономерность, согласно которой в древнегреческом не встречается ни одного надёжного примера односложного слова, которое было бы закрыто группой согласных и имело бы циркумфлекс на долгом гласном. Это значит, что последний тяжёлый слог всякого древнегреческого слова должен быть вокалически двуморным, вне зависимости от того, закрыт он или содержит долгий гласный; в случае закрытости слога, его ядро и кода находились в отношении «разделения моря», известного из типологической литературы.

Во-вторых, исследуются законы древнегреческой баритонезы и принципы разграничения случаев типа δῶρον и ἄνδρωλος, в которых традиционный анализ предполагает ударной то третью, то четвертую мору от конца. Наше решение, учитывающее различие силлабических и вокалических мор, таково, что *баритонеза возникает на третьей от конца вокалической море*⁴; показано также, что баритонеза в древнегреческом оказывается, по-сути, акцентной парадигмой по умолчанию, тогда как отказ от баритонезы следует рассматривать как фонологически маркированный случай. Это заставляет нас по-новому взглянуть и на т.н. «закон Вандриеса», который в рамках нашей теории должен быть фактически полностью переосмыслен: в объяснении нуждается не перенос ударения как можно дальше от конца, но напротив, — сохранение его ближе к концу. Механизм действия последнего обнаруживается и объясняется, если сопоставить случаи удержания ударения в словах типа ἀρχαῖος со случаями древнегреческой окситонезы. Проводится специальное исследование всех встречающихся в раннегреческих текстах слов на -αῖος, способных или неспособных попасть под действие «закона Вандриеса»; установлено, что две вокалические моры в дифтонге в подавляющем большинстве случаев объясняются либо окситонезой в производящей основе (ἀρχαῖος

⁴При этом две вокалические моры в исходе греческого слова возможны либо в последнем слоге, если он двуморен и силлабически, либо в ударном с долгим слогоносителем. Последний согласный слова при определении «количества» последнего слога не считается.

⇐ ἀρχή), либо позднейшей грамматикализацией формы (например, в случае прилагательных, обозначающих этническую принадлежность: Ἀθηναῖος ‘афинский’, но Παναθηναῖα ‘Панафиней’ (праздник)). Таким образом, рецессия ударения происходит по умолчанию, тогда как удержание ударения обязано сохранению (по тем или иным причинам) исконного акцентного выделения морфемы или его позднейшему приобретению.

В-третьих, изучаются случаи «срединной позиции» (πεδίον) и окситонезы (θνητός). Для первых установлено, что за немногочисленными случаями (прилагательных на -λέος, -ρέος, редких непродуктивных форм тематического аориста (πυθέσθαι) и, может быть, отглагольных имён на -τέος) срединная позиция должна мыслиться как вторичная инновация, выводимая из окситонезы или баритонезы. Это позволяет нам полагать, что важнейшей характеристикой особенностью древнегреческой акцентной системы служит взаимодействие двух акцентных парадигм: рецессивной и механической баритонной (бывшей парадигмой по умолчанию) и окситонной, являвшейся особым маркированным случаем. В работе показано, что слово, как правило, оказывается окситонным в том случае, если одна из двух последних морфем сохраняет (или приобретает) «акцентное выделение»; потеря последнего неминусом ведёт слово к баритонезе. Таким образом, баритонная парадигма оказывается категориальной, а окситонная — парадигматической; «акцентное выделение», свойственное морфеме, может мыслиться или в виде «глубинного» ударения по Кипарскому, или реликтом просодической доминантности морфемы по Дыбо. В работе принимается последняя точка зрения.

Синхронные правила ионийско-аттического ударения могут быть сформулированы следующим образом.

- (1) Место ударения в ортотоническом слове изначально определялось принадлежностью к одной из двух парадигм: баритонной или окситонной. Выбор между ними зависел от предыстории конкретного слова и не был очевиден для синхронного правила (в диахронии окситонезу определяла исконная доминантность конечных морфем, понимаемая в духе знаменитого правила Дыбо для балто-славянской и абхазо-убыхской акцентной систем).
- (2) К окситонной парадигме относятся слова, исконно имеющие ударение на последнем слоге основы, позицию на котором оно по возможности стремится сохранять. Прибавление моры к такой позиции даёт циркумфлекс.
- (3) Слово в баритонной парадигме всегда имеет ударение на слоге, содержащем третью от конца вокалическую мору, занимая в нём эту мору.

- (4) При словоизменении не-баритонное ударение стремится оставаться на том же слоге (и той же мере, где стояло в начальной форме), ударение баритонезы следует принципу 3.
- (5) Односложные слова относятся одновременно к двум парадигмам. В прямых (сильных) падежах они баритонны, в косвенных (слабых) падежах они окситонны.

В результате, древнегреческая акцентная система оказывается весьма неожиданным отражением общеиндоевропейских морфологизированных акцентных законов, известных нам из балто-славянского и санскрита, однако сохранившаяся в сильно усечённом виде и лишь в варианте окситонезы.

В-четвёртых, изучаются правила поведения ударения в энклитических группах. Здесь в диссертации установлена значительная близость, синтагматического фразового ударения, возникающего в энклитических группах со словесным ударением баритонезы при явной несовместимости с ним словесного циркумфлекса окситонезы:

$$\begin{aligned} \text{ударение энклизы} &= \text{акут (езде)} = \text{циркумфлекс (в баритонезе)} \\ &\neq \text{циркумфлекс (в окситонезе)} \end{aligned}$$

Это естественно понимать так, что фразовое ударение энклитических групп принципиально неотлично от баритонезы (бывшей «механическим» ударением по умолчанию), и так, что *древнегреческая баритонеза есть реликт более древнего синтагматического ударения*; однако почти то же самое мы можем сказать и о рецессивном ударении в других индоевропейских языках, где оно также может мыслиться «по умолчанию» (по правилу Дыбо, Кипарского или Халле); соответственно рецессивное словесное ударение индоевропейского праязыка должно иметь фразовую природу.

Важным здесь является и то, что мы не можем объяснить всякий древнегреческий циркумфлекс, возникший, как получается, из подвижного (силового) фразового ударения, только лишь праязыковыми слияниями (как это делал Курилович) или циклическим порождением (по Кипарскому): этому противоречит, в частности, зависимость крайней позиции ударения от группы согласных в конце слова. Соответственно различие акута и циркумфлекса в прагреческом разумно мыслить результатом *наложения* древнего фразового ударения на систему вокалических мор, существовавшую в языке и до него. Это хорошо сочетается с предложенной В. А. Дыбо мыслью о регистровой корреляции как о предшествующем состоянии для известных морфонологизированных акцентных систем.

Глава 6. Поскольку, как установлено, фразовое ударение праязыка играло в высшей степени важную для нас роль, в ГЛАВЕ 6 делается попытка внутренней реконструкции некоторых его законов через анализ принципов порядка слов и актуального членения. В

работе принимается, что, если греческий язык в значительной степени архаичен просодикой слова, то интересующие нас синтаксические принципы более консервативны в латинском языке. Кроме того и они также нуждаются в некоторой формализации.

Я предлагаю видеть в латинском повествовательном предложении соединение двух важнейших составляющих: *левостороннего ветвления* и принципа *рамочных конструкций*. Именно это соединение объясняет естественную склонность латинского синтаксиса к периодизации и позволяет предсказать появление фразового ударения в ряде позиций. Так, помимо ряда вполне универсальных явлений (таких, как стремление к рематическому выделению, типичные способы организации перечисления и попарно сопоставленных топиков и фокусов), важно то, что сам принцип рамочных конструкций оказывается увязанным с синтагматическим ударением. Это подтверждается статистическим анализом латинских противительных средств; оно находит параллели и в других языках. Особенно интересен тот факт, что по рамочному признаку во многих индоевропейских языках организованы и ряды ваккернагелевских энклитиков, причём в ряде случаев их расположение в группе оказывается очень сходным с принципами размещения знаменательных слов в повествовательном предложении латинского и ряда др. языков. В ряде индоевропейских языков (ведийском, германских) с просодикой рамочных конструкций оказывается увязанным и явление т.н. *тмесиса*, которое следует понимать не как отделяемость префикса, а как реликт неполной консолидации слова.

Кроме того, латинский синтаксис позволяет говорить нам о т.н. *монолитных* и *компози́тных* образованиях. В ряде случаев отклонение от левостороннего ветвления в латинском языке или от вложения обуславливается, казалось бы, рядом противоположных причин: так, правое расположение причастия или прилагательного в выражениях типа *liber ā Cicerōne scriptus* 'книга, написанная Цицероном' обычно объясняется предикативностью, тогда как во фразах типа *rēs pūblica*, то же правое положение должно объясняться, напротив, полным отсутствием таковой. Правое положение свойственно и притяжательным формам (*liber meus*), явно склонным к энклизе. В работе предлагается то решение, что т.н. «линейная предикация» (наблюдаемая в первом случае) есть частный случай более общей *компози́тной организации* слова или фразы, предполагающей двусоставность как в плане содержания, так и в плане выражения; монолитными, напротив, следует считать два других случая, причём для *rēs pūblica* монолитность очевидна для плана содержания (особая категориальность значения), тогда как *liber meus* монолитно в плане выражения из-за клитической способности местоимения. Сведя все три случая вместе, мы можем думать, что предикативные выражения (компози́ты) имеют два акцентных

пика, тогда как вторые (монолиты) — один, который лежит, очевидно, на вершине.

Однако монолитность и композитность может наблюдаться не только в латинском языке, и не только в синтаксисе: это вполне «онтологическая» категория, представленная в индоевропейских языках на самых разных уровнях. Под неё будут попадать и указанные В. Б. Касевичем случаи типа англ. *blackbird* и *black bird*, русс. *слово-* и *фóрмообразовáние*, нем. *bómbensicher* и *bómbensícher*. Но точно так же *переход слова в баритонезу (в древнегреческом языке) при утрате ударения окситонезы есть частный случай потери композитности на уровне слова*. Синтаксическая природа этого явления иллюстрируется в работе анализом древнегреческих сложных слов (продуктивной модели на -λογος), у которых с появлением баритонезы наблюдается существенная «монолитизация» значения. Сходное явление хорошо известно для древнеиндийского, в котором переход слова в класс *bahuvrīhi* сопровождается и переносом ударения в баритонезу; действие того же самого закона можно усмотреть и в реализации акцентов 1 и 2 в ряде норвежских и шведских диалектов.

Получается, что рецессивное ударение древнегреческого, латинского и других индоевропейских языков имеет исконную фразовую природу, которая исконно заключалась в том, чтобы объединять в одно целое группу энклиноменов: это явление хорошо сохранилось в древнегреческой энклизе и законах славянского ударения, где оно стремилось попадать на самый первый слог группы, как об этом говорит правило Дыбо — Кипарского. Это же фразовое ударение действовало не только на энклиномены, но и на ортотонические слова, отвечая за их объединение в фонетические такты (что хорошо видно на латинском материале); наконец, оно проявлялось и в сложных словах, исконно имевших синтаксическое происхождение.

Однако фразовое ударение может быть как «синтагматическим», так и «логическим». Ввиду этого выбор между окситонезой и баритонезой в древнегреческом языке зависел от двух параметров: 1) наличия в конце слова фонологически *доминантных/рецессивных* морфем (в терминах В. А. Дыбо) и 2) наличие *семантически обусловленного* (исконно фразового) *выделения* какой-либо морфемы — в первую очередь корневой — в конце слова. *Любого* из этих условий достаточно для того, чтобы слово получило окситонезу. Отсутствие *обоих* условий неизбежно ведёт в древнегреческом языке к появлению баритонезы, которая является акцентуацией по умолчанию и проявляется в появлении акцентного пика на третьей вокалической мере от конца.

Важным, однако, здесь оказывается и сам морфолого-категориальный принцип организации окситонезы: если ортотонические слова индоевропейских языков возникают из объединения *фонологически* доминантных или рецессивных *морфем* под действием *фразового* ударения, то это самым явным образом предполагает некое тождество между морфемой, слогом и словом. Ближайшей типологической параллелью этому оказываются т.н. языки *слогоморфемного (слогового) строя* — наподобие китайского или бирманского; по всей вероятности, язык такого строя должен быть отдалённым предком известных нам индоевропейских языков.

Дополнение. В дополнении делается (краткая) попытка рассмотреть в терминах слогоморфизма (и связанных с ним морных отношений) ряд явлений индоевропейских языков и построить (гипотетическую) модель становления индоевропейских акцентных парадигм из фразовых акцентных законов.

Праязык — в какую-то, возможно, весьма древнюю эпоху был языком близким силлабоморфемному строю; в поздний период он, по-видимому, должен был представлять собой именно *несобственно слоговой* (в терминологии В. Б. Касевича) язык.

В праязыке должны были быть корневые морфемы; многие из них сохранились и в исторически засвидетельствованных языках. В более сложных образованиях корень занимал начальное положение, однако сходство устройства корня и слога объясняется тем, что праязык не допускал ресиллабации. Именно при таком условии структура корней типа CVC будет максимально эффективной.

Силлабоморфемы имели тоны, различающиеся (как минимум) по высоте; праязыковые тоны должны были обслуживаться вокалическими морями — по крайней мере в относительно поздний период, хотя разумным было бы считать, что всегда.

Помимо тонов существовало ещё и силовое ударение. Ударение не имело фонологического значения в том смысле, что изначально не консолидировало слово (которого и не было), но было фонологичным в том смысле, что составляло фонологический компонент языка, в котором выполняло *фразовую* роль. Сочетание силового ударения и тона, можно представить себе примерно так, как это представлено в описанном М. Гордоном тибетском языке Лхасы, в котором тоны обслуживаются морями, а фразовое ударение выделяет весь слог целиком. Позицией ударения «по умолчанию» в тех группах морфем, которые впоследствии стали словами, действительно правильно считать начальный слог, главным образом потому, что первый слог был корневым, а ударение — фразовым; это создавало трохеический ритм фразы и сохранилось до исторических времён в виде закона Ваккернагеля. Но помимо первой силлабоморфемы ударение могло появляться и в других местах,

следуя как естественному ритму языка, так и соображениям актуального членения.

В процессе консолидации слова в индоевропейских языках происходит становление известных нам акцентных парадигм. Здесь существовали три возможности их возникновения: 1) ударение присваивалось первому доминантному (т.е. имеющему маркированный признак по тону) слогоморфу слева; 2) если ни один слогоморф в цепочке не был доминантным, ударение занимало первый из них (мало отличаясь при этом от фразового). Оба этих принципа составляют знаменитое правило Дыбо — Кипарского. Наконец, была ещё одна возможность: 3) *кульминацией слова становился не тот слогоморф, который был первым с высоким тоном, а тот, которому фразовое ударение присвоено было **принудительно**: из рематических или ритмических соображений*. Последний случай, способный объяснить известную акцентную закономерность вида τόμος/τομός, находит интересное типологическое подтверждение в северокитайском, трактуемом А. И. Ивановым и Е. Д. Поливановым как язык, имеющий (помимо четырёх тонов) ещё и силовое (фразовое) ударение: так, в группе слогоморфов, составляющих предложение, вполне произвольное перемещение рематического (фразового) ударения способно создавать группы, имеющие различную просодическую реализацию, в том числе и по тону.

Наложение силового фразового ударения на имеющие тоны (и стало быть, вокалические моры) слогоморфы могло иметь две различные стратегии: либо эти моры искоренялись ударением (как это видно в санскрите), либо, напротив, ударение попадало в некую зависимость от них, становясь в некоторых позициях «музыкальным»; последнее можно наблюдать в древнегреческом или литовском языке. Соответственно, имеющиеся в греческом и литовском тональные контуры оказываются несводимы друг к другу (как и полагал Кипарский), однако косвенно отражают существование вокалических мор праязыка. Подобная литовской (или общеславянской?) ситуация, можно думать, была и в латинском в доисторические времена до тех пор, пока явление «начальной интенсивности» и последовавшая редукция не разрушила вокалические моры.

В заключении главы делаются два экскурса. Первый рассматривает следствия морной теории для ларингальной проблемы; устанавливается предпочтительность фортунаатовской реконструкции для корней с тяжёлыми базами и абсолютная необходимость учёта моры при «ларингальных» реконструкциях. Второй посвящен проблеме формулировки общеиндоевропейской тенденции к аналитизму в свете предлагаемого учения о монолитах и композитах: утверждается, что аналитизм постоянно сопровождается в индоевропейских языках и определённым синтезом, обязанным появлению новых композитных образований.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ

Работа написана на основании чтения теоретических курсов *Сравнительно-историческая фонетика индоевропейских языков, Общая просодика (ритмика и акцентология), Введение в общую и индоевропейскую просодику, Латинский язык в сравнительно-историческом освещении, Древнегреческий язык в сравнительно-историческом освещении*, читанных в 2005-2011 гг. на филологическом факультете Московского государственного университета. Ряд методологических положений общего характера использован и при составлении заданий для финальных туров Всероссийской Олимпиады по русскому языку (2008-2011).

Помимо этого, основные положения диссертации, результаты исследования, его принципы и методы были представлены на следующих научных конференциях:

- (1) международная конференция «Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы» (январь 2003, МГУ);
- (2) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2003, ИЛИ РАН (СПб));
- (3) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2004, ИЛИ РАН (СПб));
- (4) Томская конференция по классической филологии (июнь 2004, ТГУ);
- (5) Поволжский семинар по изучению и преподаванию дисциплин классического цикла (апрель 2005, ННГУ (Нижний Новгород));
- (6) международная конференция «Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте» (январь 2006, МГУ);
- (7) научно-практическая конференция «Наследие Д. С. Лихачёва в культуре и образовании России» (ноябрь 2006, МГПИ);
- (8) международный научно-педагогический симпозиум «Certamen Iulianum» (март 2007, *Liceo Ginnasio Statale Giulio Cesare*, Рим, Италия);
- (9) международная конференция «Языковые контакты в аспекте истории» (январь 2008, МГУ);
- (10) конференция «Ломоносовские чтения» (апрель 2008, МГУ);
- (11) конференция «Ломоносовские чтения» (апрель 2009, МГУ);
- (12) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2009, ИЛИ РАН (СПб));

- (13) конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры. К 145-летию С. И. Соболевского и 140-летию М. М. Покровского» (ноябрь 2009, МГУ);
- (14) международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (март 2010, МГУ);
- (15) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2010, ИЛИ РАН (СПб));
- (16) международная конференция «Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании» (январь 2011, МГУ);
- (17) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2011, ИЛИ РАН (СПб)).

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Результаты исследования, его основные принципы и методы были опубликованы в следующих работах:

1. Научная монография *Латинское ударение (проблемы реконструкции)* (М.: Academia, 2009). — 12.5 п.л.
2. Учебно-научное пособие *Ars Grammatica. Книга о латинском языке* (М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. 1-е изд. 2004, 2-е изд., переработанное и дополненное, 2007). — 30.5 п.л.
3. Материалы, опубликованные **в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ** (по состоянию на февраль 2011 г.):
 - (1) Белов А. М. О «законе Вандриеса» в системе древнегреческой баритонезы // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб, 2011. — 0.8 п.л.
 - (2) Белов А. М. А. Х. Востоков и зарождение сравнительно-исторического языкознания // *Русский язык в школе*, №3, 2011. — 0.5 п.л.
 - (3) Белов А. М. Проблема моры в индоевропейских аблаутных чередованиях: корни с «тяжёлыми базами» // *Известия Российской академии наук. Отдел литературы и языка*, №5, 2011. — 0.6 п.л.⁵
 - (4) Белов А. М. Франц Бопп и культурная революция // *Русский язык в школе*, №9, 2011. — 0.6 п.л.

⁵Препринт доступен по адресу: <http://www.archive.org/details/Problema-MoryVIndoeuropeiskihAblautnyhCheredovaniyahKorniStjzhelymi&reCache=1>.

- (5) Белов А. М. Древнегреческие энклитики и их значение для праязыковой акцентной реконструкции // *Вестник Читинского государственного университета*, №7, 2010. — 0.5 п.л.
- (6) Белов А. М. Феномен количественной ритмики в современных фонологических теориях // *Вопросы языкознания*, №5, 2010. — 1.9 п./л.
- (7) Белов А. М. Филологический путь Жозефа Вандриеса // *Русский язык в школе*, №8, 2010. — 0.5 п.л.
- (8) Белов А. М. Об одной закономерности в системе древнегреческого ударения // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб, 2010. — 0.4 п.л.
- (9) Белов А. М. [научная рец. на] J. Clackson. *Indo-European Linguistics. An Introduction* (Cambridge, 2007) // *Вопросы языкознания*, №2, 2010. — 0.3 п.л.
- (10) Белов А. М. (в соавт. с проф. Григорьевым А. В.) Отчёт о проведении заключительного этапа XIV Всероссийской Олимпиады школьников по русскому языку // *Русский язык в школе*, №12, 2009. — 0.5 п.л.
- (11) Белов, А. М. Слияния гласных и их связь с «просодической морфологией» древнегреческого глагола // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб, 2009. — 0.3 п.л.
- (12) Белов А. М. [научная рец. на] J. Clackson & G. Horrocks. *Blackwell History of the Latin Language* (Oxford, 2007) // *Вопросы языкознания*, №5, 2009. — 0.4 п.л.
- (13) Белов А. М. [научная рец. на] А.Е.Кузнецов. *Латинская метрика*. (Тула, 2006) // *Вопросы языкознания*, №5, 2007. — 0.3 п.л.
- (14) Белов А. М. Конференция «Лингвистическая компаративистика в историческом и культурном аспектах» // *Вестник Московского университета. Серия 9: филология*. №5, 2006. — 0.5 п.л.
- (15) Белов А. М. Количество слога в латинском языке // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб, 2003. — 0.1 п.л.
- (16) Белов А. М. Акцентные матрицы и силлабические моры латинского слова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб, 2004. — 0.1 п.л.

Общий объём публикаций в реферируемых ВАК изданиях — 8.3 п.л.

4. Материалы, опубликованные в рецензируемых изданиях международных конференций:

- (1) Белов А. М. Римские грамматики как источник по латинской акцентологии // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы (Сборник статей по материалам международной научной конференции. М., 2004. — 0.5 п.л.
- (2) Белов А. М. К вопросу о связи латинского порядка слов и фразовой интонации // *Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах (Материалы V Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию)*. М.: Изд-во МГУ, 2007. — 0.9 п.л.
- (3) Белов А. М. Противительные средства латинского языка как предмет классификации // *Языковые контакты в аспекте истории (Материалы VI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию)*. М.: Изд-во МГУ, 2008. — 0.4 п.л.
- (4) Белов А. М. Этимологические тоны в русском языке: одно наблюдение за процессом глоттогенеза в детской речи // *Русский язык: исторические судьбы и современность (Материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка)*. М., 2010. — 0.2 п.л.
- (5) Белов А. М. Проблема моры в индоевропейских корнях с тяжёлыми базами // *Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании (Материалы VII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию)*. М., 2011. — 0.4 п.л.

Общий объём публикаций в сборниках международных конференций — 1.9 п.л.

5. Прочие работы по теме диссертации, опубликованные в иных изданиях:

- (1) Белов А. М. К вопросу о латинском ударении // *Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения*. Вып. 1. М.: МГУ, 2002. — 0.5 п.л.
- (2) Белов А. М. К проблеме уточнения ритмико-просодической терминологии латинского языка // *Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения*. Вып. 2. М.: МГУ, 2003. — 0.5 п.л.
- (3) Белов А. М. Фонологический вес и количество слога // *Argumenta classica. (Вопросы классической филологии. Вып. XII. Труды молодых учёных.)* М., 2003. — 0.6 п.л.
- (4) Белов А. М. Вокалическая мора и древнегреческое ударение // *Experimenta lucifera: Материалы III Поволжского*

научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2005. — 0.2 п.л.

- (5) Белов А. М. Стои́ческая философия и античная грамматика // *Scripta mediterranea. (Вопросы классической филологии. Вып. XIV. Труды молодых учёных.)* М., 2006. — 1 п.л.
- (6) Белов А. М. Ритмические стопы латинского слова: постановка проблемы // *Сборник научных трудов ΣΤΕΦΑΝΟΣ в честь М. Н. Славятинской.* — 0.5 п.л. М.: РосНОУ, 2006. Также предисловие к этому сборнику (0.2 п.л.).
- (7) Белов А. М. О латинском порядке слов // *Наследие Д. С. Лихачёва в культуре и образовании России. Материалы научно-практической конференции.* Т. 2. М.: МГПИ, 2007. — 0.6 п.л.
- (8) Белов А. М. Вопрос о морях (оппозиция арифметической кратности в греческом и латинском языках) // *Discipuli magistro (к 80-летию Н. А. Фёдорова).* М.: РГГУ, 2008. — 1.2 п.л.

Общий объём этих публикаций — 5.8 п.л.

Общий объём всех перечисленных публикаций (31 шт) — 59 п.л.